

Гульчера БЫКОВА

профессор БГПУ, член Союза журналистов России

Рассказ

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ДОМУ

Я распрощалась с гостеприимными Семёновной и Федотычем. Практика в сельской школе закончилась благополучно. Долгожданному диплому об окончании вуза теперь, кажется, ничто не угрожает. Но как бы не так! Эта угроза есть, и она приближается. Виной тому не кто-нибудь, а я сама. Именно я захотела родить первенца, хотя муж советовал не спешить. Я же упрямо рвалась к материнству – такова, видимо, сила инстинкта.

Вернувшись домой после долгого отсутствия, нашла несколько открыток от врача. Следовало срочно явиться на приём.

– Куда вы пропали, мамочка? Что это такое? Мне нужен ребёнок или вам? – никак не могла успокоиться нервная врачиха, когда я, наконец, явилась к ней.

– Пришлось срочно педпрактику в сельской школе проходить. А то диплом не получу, – пыталась я оправдаться.

– А вы его и так не получите, – хладнокровно сказала она. – Когда у вас первый экзамен? Ну вот, а срок родов – на неделю раньше. Надо было хорошенько подумать: или ребёнок, или диплом. Здесь будете рожать?

– Нет, к маме поеду, на Сахалин. У меня ни пелёнок, ни распашонок, ни одеяльца. Всё мама готовит... И денег нет.

– Удивительно, как мама ещё не родит за вас, – не удержалась язвительная гинекологиня. – Перед отъездом не забудьте забрать предродовую карту, а то вас не примут в роддом.

Что делать? В трудных случаях для поддержки боевого духа обычно вспоминаю слова Наполеона: «Признавать себя побеждённым до начала борьбы – значит быть побеждённым наполовину».

Однако на сей раз великий полководец не утешил. Что делать?.. Несколько дней промучилась в поисках ответа на извечный вопрос, а потом решила – а ничего не делать. Как Бог на душу положит. На всякий случай карту заранее получить, а там действовать по обстоятельствам, но не сдаваться до победного. Хотя бы один госэкзамен сдать, и то хорошо! А они, как и появление первенца, стремительно приближались.

Стало трудно по шесть часов сидеть на лекциях, а потом добираться за город, в Моховую Падь, где у нас была крохотная комнатка в коммунальной квартире на три семьи с общей кухней. Рядом, за тонкой стенкой, жил

прапорщик – местный Кулибин, который всё время что-то изобретал – паял, крепил, стучал, а по ночам выходил в эфир с помощью самодельной радиостанции. Жена звала его Яшечкой, а он её – Томочкой. У молодожёнов был странный ребёнок: днём он безмятежно спал, а по ночам часто и громко плакал. Сонная Томочка пыталась его уговорить, но младенец припускал ещё громче.

– Яшечка, возьми ты его Христа ради, покачай на руках, всё равно же не спишь, – надрывно просила отчаявшаяся соседка.

– Томочка, я занят, сейчас на связь выйдет Вологда. У меня всё по минутам расписано. Во-во, слышишь позывные?

– Господи, и за что мне такое наказание? – причитала Томочка. – Твои позывные мне вот уже где. Сейчас же возьми пацана! – повышала она голос. – Иначе завтра же уеду к маме, а ты хоть запиликайся на этом проклятом драндулете.

– Это не драндулет, – смертельно обижался изобретатель. – Это мощная радиостанция, и я собрал её своими руками. Она даже мыс Шпицбергена берёт! А вдруг я какой-то неземной сигнал приму, а?

Раздавалось потрескивание, шипение, хрипение, попискивание, и откуда-то с Памира или Тибета слышалась нерусская речь тамошнего Кулибина. Яшечка радостно приветствовал нового собрата.

Но тут в коридоре появлялась окончательно вышедшая из себя соседка тётя Таня. Она кулаком стучала в их дверь:

– Этот дурдом когда-нибудь кончится?

Таня была старше всех нас, работала в канцелярии военного училища. У неё был сын-подросток Валерка, которого она частенько поколачивала. Раз в неделю к ней приходил любовник – лысый начальник училищной бани. Мы её боялись. Яшечка на самом захватывающем месте прерывал ответственную международную связь, отключал радиостанцию, брал орущего сынишку на руки, и мгновенно наступала тишина.

Это была первая в нашей жизни «квартира», больше похожая на кладовку, где едва умещались старенькая железная, выброшенная за ненадобностью из казармы кровать, самодельный журнальный столик, небольшой стеллаж с книгами да ещё роскошное старомодное кресло – вещь редкая и потому не допускавшая никакой кри-

тики. В нём можно было отдохнуть, расслабиться. Сюда, в маленькую комнатку, спешил при всяком удобном случае мой красавец-муж.

Здесь, за шумным пыльным городом, был рай земной: чистый целебный воздух, настоящий на луговых травах да деревьях, ласково шумевших по сопкам. Летом они манили белыми маками, красными и жёлтыми саранками, радовали глаз пёстрым разнотравьем, а по осени под прошлогодними листьями прятались мохнатые молочные грузди...

Но вот, наконец, сданы экзамены за выпускной курс. В деканате сказали, что у меня, у Ираиды и Женьки могут быть красные дипломы. Правда, теперь всё будет зависеть от того, как каждая из нас преодолет последние испытания.

У Женьки малышу уже два годика, она хорошо обеспечена, там мамки-няньки, так что в успешном окончании института она не сомневается. Вот уж кому завидовали у нас на филфаке, – так это Женьке. Она умница и добрая душа. Муж у неё красавец-москвич. Видимо, не очень-то надеясь попасть в столичный вуз, он приехал сюда, к тётке, поступил на физико-математический, женился на обеспеченной и благополучной Женьке, жил себе припеваючи на средства её предприимчивой мамочки. Его поили, кормили и боготворили как султана. Как-то само собой предполагалось, что после окончания института молодые с ребёнком уедут в белокаменную. Наивные дочь и её хлебосольная мама спали и во сне видели, как хорошо, как славно заживёт Женька в семье столичного мужа-физика.

Потом, много позже, случайно встретившись с Женькой, я была потрясена её рассказом о том, как она голодала в доме свекрови, где всё: шкафы, столы и даже хлебница – запиралось на замки. Деньги, которые присылала её щедрая мама, у Женьки тут же отбирали, так что она не могла купить себе даже чёрного хлеба. Окончательно отошав, теряя силы, она продала соседке золотое обручальное кольцо и серьги с бриллиантами – подарок бабушки – и, прихватив истощённого малыша, без оглядки бежала из славной столицы в провинциальный Благовещенск. Здесь она постепенно пришла в себя, набрала прежний вес, но ещё долго при звуках песни о подмосковных вечерах у неё начиналось обильное слюновыделение, и она пулей неслась к холодильнику.

У Ираиды обстояли дела лучше. С семьёй у неё не получалось, зато папа – крупный чиновник областного масштаба. Её оставляют на кафедре, и научная тема определена, и руководитель есть. Родители более чем состоятельны и готовы помочь любимице-дочке. Так что аспирантура, дальнейшая блестящая карьера и безбедное существование гарантированы. Не случайно на нашем курсе Ираида была некоронованной моделью – около двух метров ростом, стройная, раскрепощённая, она неизменно демонстрировала шикарные, на зависть большинству девчонок, наряды. Не очень обаятельная из-за надменности, она, бывало, говаривала: «Не понимаю, как вы в своём общежитии можете жить да ещё чего-то там усваивать? А питаться? Я выхожу из института, а для меня уже пирожок на сковородке жарится, чтобы я его горя-

ченьким съела. Полезно для здоровья только всё свежее-приготовленное, есть надо или дома, или в ресторане». Мы с завистью слушали её.

У меня – всё с точностью до наоборот. Плохо обеспеченная, плохо одетая, не всегда сытая, зато желания учиться – хоть отбавляй. Как я хочу учиться дальше, хочу тоже поехать в Москву, заниматься научными исследованиями! Хочу! Хочу! Но, как говорит моя мудрая мама: «Мечты Наполеона, а своды – Ивана печника. Ты всё сразу хочешь – и замуж, и ребёнка, и в аспирантуру. Так, дорогая, не бывает».

Это точно – человек я стремительный, из тех, кто и жить торопится, и чувствовать спешит. И вот теперь, кажется, надо чем-то пожертвовать – приближается та самая ситуация, когда за двумя зайцами погонишься и ни одного не поймаешь.

– Крепись, маленький, у нас с тобой всё будет хорошо, – мысленно говорю я тому, кто уже живёт и растёт во мне.

Японские медики утверждают, что ребёнок реагирует на голос матери уже на одиннадцатый день после зачатия. В это время он представляет собой трубочку с двумя разветвлениями – будущими надпочечниками, которые вырабатывают множество гормонов. Если зародышу хорошо, комфортно, если внешняя среда благоприятна – он выбрасывает в околоплодную жидкость положительные гормоны. Если мать в негативной обстановке (крик, шум, ругань, питание либо самочувствие плохое или она развлекается в шумной компании под тяжёлый рок) – эмбрион выделяет отрицательные гормоны. Поскольку зародыш отличает голос матери среди других голосов, японцы рекомендуют общаться с ним, разговаривать, чаще бывать на природе, слушать вместе с ним хорошую музыку, шелест листьев, шум ветра, журчание ручья, плеск волны, пение птиц.

Я и без японцев знаю, что мой малыш понимает меня с полуслова, а иначе и быть не может: ведь мы с ним – одно целое, он – часть меня. Сейчас у нас на двоих – одно сердце и один разум. Хорошо, если мы – двоица, а не троица. Никак не ожидала, что мой тощенький живот может увеличиться до таких немислимых размеров.

– Ты, главное, не торопись, как твоя ненормальная мама, – говорила я первенцу. – Задержись там на недельку. Я понимаю, что жизнь у тебя – не мёд. Кому нравится в воде да ещё полусогнутым сидеть? Но давай сдадим экзамены. Их всего два, только два. А там мы с тобой – вольные птицы. И не слушай ты эту злую тётку в белом халате. Мы всё с тобой успеем, вот увидишь – и родимся, и диплом получим. Лучше бы, конечно, наоборот – сначала институт закончить, а потом на свет появиться...

Зачем диплом нужен? Ну, во-первых, моя мама, твоя бабушка, успокоится. Знал бы ты, как она мечтает, чтобы я институт закончила! Когда мы с твоим папой решили пожениться, она была категорически против: не верила, что доучусь до конца. И плакала. Я ей поклялась, что доучусь. А клятвы порядочные люди выполняют. Во-вторых, я сама очень хочу закончить институт. Я и дальше хочу учиться. Вот рожу тебя, ты подрастёшь, и я по-

еду в аспирантуру. А туда без диплома не берут. Теперь понимаешь, почему так важно сдать эти госы? И мы их сдадим. Запомни: «Желающего судьба ведёт, а не желающего – тащит».

Начались обзорные лекции. Вывесили расписание государственных экзаменов. Ну не везёт так не везёт: группа А сдает первой – на три дня раньше нас. Для меня теперь, как на фронте, счёт пошёл на часы. Мне нельзя ждать ни дня. Сердобольная деканша, со страхом и жалостливо глядя на мой живот, закивала головой:

– Конечно, конечно, сдавайте с первой группой. Так вы говорите, у вас срок рожать? Может, всё-таки взять академический отпуск? Экзамены можно сдать и через год.

– Нет, буду сдавать со своим курсом. Я успею.

Решила идти отвечать первой и без подготовки: вдруг он надумает родиться как раз в это время? Если верить врачам, ребёнок уже должен был появиться...

Председателем государственной комиссии в тот год был приветливый разговорчивый доцент Хабаровского института. Он задерживался в деканате, зная, что ещё по крайней мере час студенты будут готовиться. И поэтому я уже заканчивала отвечать, когда он пришёл. Поскольку он не слышал моего ответа, то начал задавать дополнительные вопросы. Один, другой, третий. Я охотно отвечала. Наши учёные дамы, предупреждённые сердобольной деканшей да и сами хорошо знавшие моё состояние, решились-таки прекратить экзекуцию.

– Думаю, вопросов достаточно. Мы услышали блестящий ответ, – сказал кто-то из преподавателей.

– Да, – спохватился председатель комиссии. – Я удовлетворён. Вы свободны.

Надо было видеть его лицо, когда я не вышла – выкатилась из-за кафедры и направилась к двери. Тут только он понял, что я беременна. К тому же кто-то из женщин, видимо, шепнул о наступившем сроке.

Словно ошпаренный, он выскочил вслед за мной и стал извиняться:

– Простите меня, Бога ради, я не догадывался, что вы в таком положении... Мне было интересно вас слушать. Вы неординарно мыслите. И вопросы поэтому задавал. Простите. Как вы себя чувствуете?

– Отлично!

Я ликовала! Я обоняла и осязала, я праздновала победу! Хоть один экзамен, да мой. Виват! Виктория! Прорвёмся!

На консультацию перед экзаменом по литературе не поехала: автобус был всегда переполнен, да и путь из Моховой в город неблизкий.

Каждое утро выносила раскладушку за дом на траву, в тень старого вяза, и целыми днями готовилась к экзамену – дочитывала первоисточники, просматривала лекции. Специально читала вслух – пусть малыш слушает, какие великие писатели есть в России и какие замечательные произведения они написали!

Снова пошла не со своей группой и снова первой. Сдала! Зашла в деканат, предупредила, что диплом получит муж, и прямо из института, не заезжая домой – в аэропорт.

Муж уже неделю был на стрельбах, тоже сдавал госы, поэтому надеяться было не на кого. Скорей к маме, на чудо-остров, который омывает с одной стороны Охотское море, с другой – Татарский пролив. Я там никогда не была, так как родители и сами жили на Сахалине второй год.

Понятно, что в моём положении предварительно брать билет было глупо. Я самонадеянно рассчитывала купить его в день вылета, прямо в аэропорту. Но, как выяснилось, меня там никто не ждал.

– Билетов нет, – коротко сказали мне в одной кассе.

– Надо было заранее думать, – упрекнули в другой.

Как же быть! Я должна улететь: денег в обрез, ни пелёнки, ни распашонки, оставаться здесь никак нельзя! Какая несправедливость! Главное препятствие – госэкзамены – я преодолела, а тут никаких усилий не надо, отдай деньги, купи билет и лети себе... И вдруг нет билетов! Куда же они подевались, чёрт возьми! Отдышавшись, я ринулась к начальнику аэропорта.

Секретарша испуганно замахала на меня крашеными ногтями:

– Что вы, что вы, туда нельзя!

– Нам можно, – твёрдо сказала я, делая логическое ударение на слове «нам», и покосилась на свой живот. Все могут подождать, а мы (снова акцент) – нет. И стремительно открыла дверь с позолоченной табличкой. На меня уставился немолодой начальник аэропорта.

– Понимаете, мне надо срочно улететь в Южно-Сахалинск, к маме. Вот моя предродовая карта. Помогите, пожалуйста. Есть же у вас какие-то резервные места в самолете? На непредвиденный случай, – не давала я ему опомниться, хорошо зная, что лучшее средство обороны – это наступление.

Начальник тщетно смотрел в карту, потом на меня, потом снова опускал глаза, пытаясь хоть что-то понять.

– Я студентка, – втолковывала я ему. – Час назад сдала последний государственный экзамен. Понимаете, мне нельзя ждать ни минуты, мне срочно рожать.

– Так и рожайте себе на здоровье, – наконец-то пришёл в себя ошеломлённый начальник. – Рожайте, разве в городе нет роддомов?

– Мне нельзя в Благовещенске, мне на Сахалин, к маме надо, – я захлопала носом для пущей убедительности.

– Та-ак, а если вы, голубушка, в самолёте разродитесь, кто за это отвечать будет?

– Клянусь вам, не разрожусь! Потерплю! Честное слово!

Мой собеседник, взглянув на меня, вдруг начал смеяться. Смех прямо-таки душил его. Он пытался как-то сдерживаться, но стоило ему взглянуть на меня, как хохот снова накатывал на него.

Я не знала – радоваться его веселью или огорчаться. Не заплакать ли ещё раз? Надо же как-то его разжалобить.

Наконец начальник успокоился.

– Ты, небось, отличница? – спросил он.

– Да, – удивилась я. – А вы откуда знаете?

– Да уж такая настырная и находчивая не может плохо учиться. Ну и развеселила ты меня. Если твёрдо

обещаешь не рожать в самолёте, – новый приступ смеха распирал его, – так и быть, полетишь. Ну что с тобой делать...

– Отправьте это чудо ближайшим самолётом, – сказал он вошедшей секретарше. – Предупредите дежурного, пусть лично посадит.

От радости не чуя под собой ног, я выкатилась из кабинета. Пока секретарша звонила в кассу, я, поправляя волосы, взглянула в висевшее на стене зеркало. Оттуда на меня смотрело глазастое, раскрасневшееся, с размазанной тушью и чёрными подтёками на щеках моё чучельное отражение. Вот уж в самом деле чудо в перьях! Я даже не сразу сообразила, что это я. А потом настала моя очередь хохотать. Смеялась и секретарша.

Мне быстро дали билет, дежурный проводил до самого трапа. Стюардесса предупредительно помогла подняться. Всю дорогу она оказывала мне особые знаки внимания: предлагала минералку, сок, даже фрукты. Беспokoилась, что не смогла пристегнуть на мне ремни безопасности при взлёте.

После всех треволнений этого нелёгкого дня я наконец расслабилась и крепко уснула. Это было кстати, так как я сильно покривила душой, когда клялась начальнику аэропорта, что мама живёт в Южном. На самом деле от него ещё часов семь добираться поездом. Надо было хоть немного отдохнуть и набраться сил.

Самолёт заходил на посадку, когда я проснулась – бодрая, в хорошем расположении духа. Ведь я была почти у цели. Даже если роды начнутся в Южно-Сахалинске, уже не страшно. Маме нетрудно будет забрать меня отсюда.

Если бы стюардесса не попросила меня подождать, когда все выйдут, я бы вышла из самолёта первой. Почему-то всегда в поезд или в автобус, троллейбус стараюсь сесть первой и так же выхожу – терпеть не могу томиться где-то в хвосте. А тут опрометчиво поверила этому ангелу неземному и терпеливо сидела, ожидая, когда опустеет салон.

«Ну, наконец, и мне можно идти», – решила я, как вдруг у входа заметила двух мужчин в белых халатах. Они направлялись прямо ко мне. Может, кто-то в салоне нуждается в медицинской помощи? Оглянулась – никого, кроме меня.

– Ну, попалась, как кур во щи, – только и успела подумать.

– Мы за вами. Нам позвонили из Благовещенского аэропорта. Вам плохо?

– Нет, мне очень хорошо! Я ни в чём не нуждаюсь. Мне надо на вокзал, чтобы поездом уехать к маме, – говорила я, спускаясь по трапу, около которого уже стояла машина скорой помощи. – Вы меня с кем-то спутали, – пыталась я выкрутиться. – Никуда я не поеду. Отпустите меня. Но сильные добрые руки эскулапов уже настойчиво подсаживали меня в салон машины.

Когда мы ехали по улицам незнакомого города, я снова пыталась уговорить врача (другой сел в кабину) отпустить меня подбру-поздорову, клялась родить только по приезде к маме. На этот раз трюк не удался. Осознав это, я замолчала и решила действовать по обстоя-

тельствам. Но что сбегу – знала твёрдо. Вскоре машина притормозила возле большого больничного здания. Врач, сидевший в кабине, удалился, а мой провожатый помог мне выбраться из салона и подошёл к шофёру с каким-то своим делом.

А я тем временем бочком-бочком вдоль санитарки, а там – перебежками к толстому вязу. Стою, прислушиваюсь, осматриваюсь. Надо бежать в противоположную от машины сторону, так как водитель и врач за ней, значит, я пока вне поля их зрения. Я скрылась за кустами сирени, а там – тропинка в траве. Значит, она ведёт к лазу в заборе. Точно, приличный проём, сразу видно, что даже я не застряну. Хорошо, что врачи не догадались взять у меня документы ещё около самолёта. Остаётся немного пройти до шоссе. Трудновато в моём положении бежать, но отдыхать нельзя – время дорого.

На шоссе выбралась почти ползком, цепляясь за кусты, корни, траву. Уж очень крутым оказался подъём к дороге. Интересно, змеи на Сахалине водятся? Лучше об этом не думать. Какие же здесь лопухи огромные, никогда таких не видывала! А это, наверно, бамбук. Ну конечно, бамбук – не на картинке или по телевизору – настоящий. Так вот ты какой, красавец! Хорош! Трава – с меня ростом. Свежая, яркая, словно умытая. Ну вот, вымокла вся. Кто теперь такую мокрую курицу в машину пустит? Постоять бы на ветерке, обсохнуть, да времени – в обрез: на поезд надо успеть.

Водитель, притормозивший старенький запорожец, сказал, что поезд, скорее всего, ушёл.

– Хотя, может, я путаю. Если по-летнему расписание, то тогда через час.

Я наслаждалась покоем после трудного побега и во все глаза глядела по сторонам. Пейзаж не материковый – сопки вокруг, и туман курится в ложбинах. Во всём чувствуется близость моря. Какое оно, Охотское море? Суровое, наверно.

На вокзале царила суета.

– Вон поезд, под посадкой уже. Ты в кассу не ходи, не успеешь. Садись без билета, а там у проводника купишь, объяснишь, мол, опаздывала – советовал сердобольный старичок.

Я понеслась к электричке. Никто меня не остановил, и я благополучно ввалилась в переполненный вагон. Пассажиры потеснились и нашли мне местечко.

– Это в сторону Чехова? – спохватилась я, когда за окном замелькали станционные здания.

– Туда, туда, милочка, – ответила разговорчивая старушка, хрустевшая свежим огурцом. И тут я вдруг почувствовала, что очень хочу пить. Надо потерпеть. На остановке куплю лимонад или минералку.

Но поезд всё мчался и мчался вдоль морского побережья. Одна, две минуты стоянки – и снова набирал ход. В вагоне стало свободнее, я пересела к окну. Какая красота! Куда ни глянь, морская даль, могучая, величественная, неукротимая. И кто этот первый глупец, сказавший, что «человек – царь природы»? Разве может человек хоть как-то повлиять на такую стихию? Хотя, впрочем, может: берега загажены мусором, около небольших сёл, вытянутых вдоль железной и автомобильной

дорог, безобразные свалки. Вся Россия – большая помойка...

Я где-то читала, что неодолимую привычку бросать мусор рядом с жилищем у русских людей никогда не вытравить, так глубоко она заложена в подсознании и стала неотъемлемой чертой национального менталитета. И будто эта дурная привычка исторически обусловлена подсечным земледелием. Лесов на Руси было столько, что для зерновых вырубали (подсекали) деляны, сжигали на них деревья с ветками и корой и сеяли, пока земля давала урожай. Рядом с таким полем строили временное жилище и мусор сваливали тут же. Зачем его прятать? Год-два – и придётся перебираться на новое место, а старое зарастёт, матушка-земля сама уберёт всё, зарубцует, покроет новой растительностью. Тогда понимали, что планета наша – живой самоочищающийся организм, но сейчас он уже не справляется с отбросами человеческой цивилизации.

Жажда становилась нестерпимой: ведь за окном плескались тонны, мегатонны воды. Я понимала, что она солёная, её нельзя пить, но само созерцание необозримой водной глади усиливало потребность пить. И вдруг на очередной остановке в вагон зашли две кореянки с корытом, полным крупной спелой клубники. Вот что утолит мою жажду! Они, отвечая то по-корейски, то по-русски, щедро одарили меня ягодой и не взяли протянутых денег:

– Ты ребёнка носишь, тебя сам Бог охраняет, ешь на здоровье!

Я с жадностью ела, точнее, пила сочную алую ягоду. Это было божественное наслаждение!

Небольшое село Новосибирское, где поселились мои родители, находилось в нескольких километрах от города Чехова. «Вот здесь ты и появишься на свет, мой маленький. И всё у нас с тобой будет хорошо. Главное – старайся, помогай мне и себе, когда придёт твой час. Теперь можно рождаться – мы дома».

Поезд остановился. Мой вагон оказался далеко от платформы и надо было прыгать с нижней ступеньки на землю. Я посмотрела вниз. Я же разобьюсь... В страхе отпрянула от распахнутой двери. Ещё минута – и поезд помчится дальше. Мужчина, вышедший покурить в тамбур, всё понял, взял меня за руки и, перевесившись с нижней ступеньки, бережно опустил на землю. И тут же поезд тронулся. Сумку он выбросил уже на ходу. Действительно, Господь хранил меня в этой нелёгкой дороге.

Придя в себя, я огляделась вокруг. С моря дул свежий солоноватый ветер. Большие волны выносили на берег тысячи трепещущих серебристых рыбок. Они би-

лись о мокрый песок и по скользящей волне устремлялись обратно в море. С криками кружили над пенной кромкой крупные белые чайки. На многие километры прибрежный песок сиял на солнце живым серебром. Такого зрелища мне не доводилось видеть никогда в жизни. Шёл ход морской мойвы, которую здешние жители называют уёк.

Меня поразили цвет моря – громадные волны вдали были ультрамариновые, пронзительно-синие, чуть ближе – изумрудно-малахитовые. Накатываясь на рыжий берег, они становились тёмно-лазурными, затем серебристо-зелёными и наконец молочно-белыми, превращаясь в живое трепетное серебро.

Ориентируясь по номерам домов, я тихо подошла к калитке и, улыбаясь, смотрела, как родители суетились в небольшом дворике, заставленном бочками, ведрами и ещё какими-то ёмкостями, доверху наполненными трепещущей мойвой. Вокруг дома цвели любимые мамой анютины глазки, нежно сиял голубой ленок, трепетали на ветру алые и белые петунии, пронзительно пахло ночной фиалкой. «Родительский дом, начало начал, ты в жизни моей надёжный причал», – как просто и мудро сказано.

Моё появление повергло обоих в шок. Они были уверены, что я уже родила, с нетерпением и тревогой ждали известия. Решили, что с детским приданым за мной и ребёнком отправится отчим. У мамы болели ноги, а в дороге нужен был помощник покрепче.

Вот уж, воистину, – что имеем, не храним, а потерявши – плачем. Я поняла только после смерти мамы, что она была для меня крепкой стеной и молитвенной защитой. И всё, что я делала хорошего в своей жизни, было прежде всего ради неё, ради кроткой улыбки этой простой, мудрой, очень сильной женщины – коренной сибирячки, добровольно ушедшей на фронт, принявшей на хрупкие девичьи плечи все тяготы войны.

Она прошла со своей ротой химической защиты по всей России до западных границ. Попутно с основной службой стирала раненым бельё, выполняла другую тяжёлую работу. Она редко и неохотно рассказывала о своих фронтовых годах и всегда говорила: «Если, не дай Бог, снова война, не рвись на неё. Война – не женское дело».

За неспешной семейной трапезой я рассказывала домочадцам, как сдавала без подготовки госы, боясь, что в любой момент могут начаться схватки, как сбежала в Южно-Сахалинске из больницы, как выбралась из вагона на станции. Прав был дядя Аким – мир не без добрых людей – помогли. Слава Богу, всё обошлось, ибо сказано: желающего судьба ведёт, а нежелающего – тащит.

От редакции. Рассказы Г. Быковой, большей частью автобиографические, не первый раз появляются в альманахе. Вот и в этот раз Гульчера Вахобовна знакомит нас с очередной страницей своей юности. Кажется, что юношеский задор, максимализм, гедонистическое наслаждение жизнью, эгоцентризм до сих пор не покидают автора. Читая, как будто видишь окидывающий всех торжествующий взгляд: «Посмотрите, вот я какая! И умница, и красавица!» Жизненные силы переполняют, бьют через край. «Подставляйте миски и тарелки! / Всякая тарелка будет – мелкой», – это и про неё тоже. Героиня Быковой «пьёт» жизнь жадно, и жажда её неутолима и неутомима. И всё бы хорошо, да жаль, что кроме неё мало кто замечен в повествовании, все остальные персонажи тускнеют рядом с яркой героиней. Рассказ получается исключительно о себе, в то время как по закону жанра история частного существования является одновременно и целью повествования, и поводом для разговора о большем – о жизни и судьбе поколения. Пожелаем нашему автору внимания к диалектике жизни.